

Г. С. ФИЛАТОВ

ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ И ЕГО КРАХ

1. СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМАГОГИЯ И МЕТОДЫ ГОСПОДСТВА

ПРИХОД К ВЛАСТИ

До последнего времени наибольшее внимание в советской и зарубежной исторической и политической литературе уделялось германскому фашизму, поскольку гитлеровская Германия играла главную роль в фашистском блоке¹. История фашизма в Италии освещена гораздо меньше, между тем фашизм впервые возник и пришел к власти в Италии. Долгое время методы подавления народных масс, которые применял Муссолини, вызывали восхищение виднейших представителей международного империализма. Гитлер не отрицал приоритета Муссолини и многое заимствовал из его опыта. Правда, из учителя Муссолини в дальнейшем превратился в ученика, так как именно Германия возглавила фашистский блок, а ее правящий класс наиболее последовательно осуществлял империалистическую политику. Однако до конца своих дней итальянский фашизм сохранял много своеобразных черт. Это проявлялось прежде всего в попытке решать социальный вопрос путем построения «корпоративного государства» и в осуществлении крайних форм экономической автаркии. В Италии сохранялся монархический строй и юридическим главой государства всегда оставался король, что, безусловно, несколько ограничивало диктатуру Муссолини. Итальянскому фашизму никогда не удавалось полностью подчинить всю жизнь нации, ликвидировать оппозицию и привить народным массам Италии воинственность. Италия оказалась слабым звеном в системе фашистских государств. Режим Муссолини сгорел в огне второй мировой войны за два года до ее окончания.

Официальной датой рождения фашистского движения в Италии считается 23 марта 1919 г., когда в Милане под руководством Муссолини состоялось учредительное собрание «Фаши ди комбаттименто» («Боевые союзы»), откуда и произошло слово фашист. Однако само движение возникло несколько ранее и связано в первую очередь с проявлением общего кризиса капитализма в Италии, обострением капиталистических противоречий и классовой борьбы в стране после первой мировой войны. Уже в 1918 г. выступления трудящихся приобрели огромный размах, а социалистическая партия стала наиболее влиятельной политической силой. На очередном съезде социалистов было принято решение о борьбе за власть революционным путем. Наибольшего накала классовая борьба достигла в 1920 г. В стране беспрерывно происходили забастовки на предприятиях и волнения в деревне, на заводах Северной Италии стали создаваться фабрично-заводские комитеты. Однако политический кризис в Италии не перерос в борьбу за свержение власти буржуазии. Движение трудящихся после 1920 г. пошло на спад. В январе 1921 г. представители революционного крыла вышли из социалистической партии и основали Итальянскую коммунистическую партию.

Крупная буржуазия, испуганная накалом борьбы, стала искать эффективные средства для предотвращения всякой возможности повторения революционного кри-

¹ См. П. Ю. Рахшмир. Современные тенденции буржуазной историографии фашизма.— «Новая и новейшая история», 1971, № 6.

зиса. До первой мировой войны у итальянской буржуазии не было сильной политической партии. Существовавшие организации представляли собой немногочисленные группы политических деятелей, преимущественно либералов, которые проявляли себя лишь во время парламентских выборов. Одним из претендентов на роль защитника масс от влияния социалистических идеалов была созданная в 1919 г. католическая Народная партия. Пользуясь поддержкой Ватикана, она выдвинула широкую программу радикальных реформ и стала весьма популярной среди религиозно настроенного населения, особенно в деревне.

Однако более надежную гарантию крупная буржуазия увидела в лице фашистского движения. Руководитель фашистов Муссолини был ловким демагогом, умевшим воздействовать на массы; в то же время он всегда был готов прибегнуть к крайним средствам. Ренегат социалистической партии, он был полон животной ненависти к социализму и коммунизму.

Фашистское движение не возникло с готовой идеологической платформой. У его руководителей имелся набор идей и лозунгов, манипулируя которыми они приспосабливались к настроениям толпы. Большая часть внешнеполитических лозунгов, в частности требование добиться силой удовлетворения территориальных претензий Италии, была заимствована ими у итальянских националистов. В области внутренней политики фашисты прибегали к самой широкой социальной демагогии. Так, стремясь обеспечить себе поддержку трудящихся масс, они требовали созыва учредительного собрания, всеобщих выборов, восьмичасового рабочего дня, национализации военной промышленности.

Однако главный смысл своего движения Муссолини видел в жесткой борьбе против социализма. Уже весной 1919 г. созданные им вооруженные отряды стали вступать в столкновения с рабочими-социалистами. Кадры для этих отрядов вербовались в первую очередь из офицеров-фронтовиков, шовинистически настроенных представителей мелкой буржуазии и буржуазного студенчества. Готовность с оружием в руках подавлять движение трудящихся обеспечила фашистам расположение и поддержку крупной буржуазии.

В 1920—1921 гг. в движение влились многочисленные группы собственников, испуганных выступлениями рабочего класса и стремившихся к восстановлению «порядка». Пользуясь попустительством полиции, фашистские отряды напали на помещения коммунистической и социалистической партий, профсоюзов, громили редакции демократических газет. Столкновения часто принимали форму кровопролитных стычек. В отличие от рабочих дружин отряды фашистов были хорошо вооружены и постоянно наращивали силу своих ударов.

Осенью 1922 г. стало ясно, что влиятельные группы итальянского правящего класса все более склоняются к мысли об установлении террористического режима. Муссолини решил, что наступило время для непосредственной борьбы за власть. Он призвал фашистов всей Италии организовать 28 октября 1922 г. «поход на Рим». В этот день к столице Италии двинулись вооруженные колонны, одетые в черные рубашки. Они не встретили сопротивления: король Виктор Эммануил отказался объявить осадное положение и бросить войска против чернорубашечников. Вместо этого он предложил Муссолини занять пост премьер-министра и сформировать правительство.

Во время голосования в парламенте 306 депутатов буржуазных партий отдали свой голос за доверие правительству; против голосовало 102 депутата — коммунисты, социалисты, республиканцы². Таким образом представители старых правящих групп добровольно уступили власть фашистам. На первых порах, не имея достаточно сил, Муссолини мирился с существованием демократических партий, профсоюзов и оппозиционной печати. Его правительство было коалиционным: до апреля 1923 г. в него входили представители Народной партии и до конца 1924 г. — либералы.

Вместе с тем Муссолини сразу же принял меры для укрепления личной власти. В обход конституции он создал так называемый Большой фашистский совет из членов руководства партии, министров-фашистов и местных партийных главарей. Этот орган фактически контролировал все проекты декретов и законов перед внесением их в парламент, а через своих членов, состоявших в правительстве, — деятельность самого

² Б. Р. Л о п у х о в. Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968, стр. 169.

правительства. Еще большее значение имело юридическое признание в начале 1923 г. фашистских отрядов в качестве «Добровольной милиции национальной безопасности», которая была поставлена под непосредственный контроль главы правительства. Тем самым отряды головорезов-чернорубашечников включались в систему государства и их действиям была придана видимость законности.

Фашистские отряды усилили террор против демократических организаций. Иногда эти расправы носили характер индивидуальных нападений, в других случаях — широких массовых налетов. Фашисты все менее церемонились с представителями буржуазных партий; в этот период были совершены нападения на некоторых видных либералов. Неприкрытое насилие вызывало недовольство в стране, против фашистов стал складываться единый фронт оппозиции.

Его возникновение было связано с «кризисом Маттеотти», происшедшим летом 1924 г. Во время выборов в парламент фашистам, которые выступали в блоке с правыми либералами, удалось собрать 4,5 млн. голосов, в то время как блок оппозиционных партий получил около 3,5 млн. голосов³.

На заседании нового парламента популярный лидер социалистов Дж. Маттеотти выступил с разоблачением фашистских бесчинств в период предвыборной кампании. Через несколько дней после этого он был схвачен на улице среди бела дня и зверски убит. Труп Маттеотти через две недели был обнаружен недалеко от Рима. Причастность фашистов к убийству была ясна для всех с самого начала, возмущение охватило всю Италию. Создалось положение, когда давно назревавшее недовольство могло привести к свержению правительства Муссолини. Большинство депутатов оппозиционных партий вышли из правительства и образовали так называемый «Авентинский блок». Они решили бойкотировать парламент и требовать отставки Муссолини. Однако руководители блока боялись призвать к действию народные массы, что предлагали сделать коммунисты. Это позволило фашистам прийти в себя, а затем и перейти в наступление. В конце 1924 г. «Авентинский блок» распался. Вскоре Муссолини выступил в парламенте с заявлением, что отныне он не намерен ни с кем делить власть и готов подавить силой оппозицию.

Окончательно оформление фашистско-тоталитарного режима произошло в 1926 г., который Муссолини назвал своим «наполеоновским годом». Согласно изданным «чрезвычайным законам» все политические партии и организации, кроме фашистских, были распущены и объявлены вне закона, депутаты оппозиции изгнаны из парламента. Для расправы над противниками фашистского режима был учрежден Особый фашистский трибунал и введена смертная казнь. Принятие чрезвычайных законов знаменовало переход фашизма к неограниченной террористической диктатуре.

Победа наиболее реакционных и шовинистических групп правящего класса объясняется рядом причин. Фашисты начали свое наступление в момент, когда послевоенный подъем рабочего движения был уже на исходе, и воспользовались растерянностью трудящихся после ряда неудачных выступлений. Реформистские лидеры социалистов проводили политику отказа от вооруженного сопротивления фашистам и пытались осуществлять политику «умиротворения». Это внесло дезорганизацию в рабочий класс. Молодая коммунистическая партия была в то время слишком малочисленной и не имела сил для того, чтобы встать во главе антифашистского движения.

Позорной была роль буржуазных партий, которые продолжали сотрудничать с фашистами в то время, когда те еще не были в силах управлять страной единолично. Фашистам никогда не удалось бы прийти и удержаться у власти без помощи государственного аппарата, армии, полиции и монархии, вмешательство которых в такие критические моменты, как «поход на Рим» или «кризис Маттеотти», могло привести к падению Муссолини.

Особого внимания заслуживает позиция крупной монополистической буржуазии. С момента зарождения фашизм пытался выставлять себя защитником интересов трудящихся перед лицом «плутократов» — и это понятно, учитывая стремление фашистов превратить свое движение в массовое. Истинные причины словесных выпадов Муссолини хорошо понимали представители крупной буржуазии. Фашизм был нужен им в качестве надежного барьера против революционного пролетариата; более того, круп-

³ Б. Р. Л о п у х о в. Указ. соч., стр. 220.

ные аграрии и промышленники поддерживали борьбу, которую вел фашизм против слабого и дискредитировавшего себя в их глазах либерального государства.

Фашизм как политическое течение еще только складывался, а крупные компании, в первую очередь металлургический трест «Аксольдо», уже финансировали деятельность Муссолини. В 1921 г., когда из-под словесной шелухи первых программных установок ясно выявилось истинное лицо фашизма как ударного отряда реакции, крупные промышленники и аграрии стали на путь активной и откровенной поддержки Муссолини. Они финансировали предвыборные кампании фашистов, давали деньги для организации карательных экспедиций и погромов. Процесс превращения фашизма в орудие монополистических кругов шел по нарастающей линии. Разумеется, нельзя его схематизировать. В определенные моменты интересы политической власти вступали в противоречие с интересами некоторых промышленных групп. Кроме того, элементы цезаризма, стремление стать единоличным диктатором, были в высшей мере присущи Муссолини уже в начале его политической карьеры. Однако в целом поддержка фашизма монополистическими кругами становилась все более энергичной, и это не только было одной из решающих причин его успехов, но и служило ориентиром для отношения к нему самых широких слоев буржуазии.

Фашистам удалось подчинить своему влиянию значительную часть мелкой буржуазии, которая боялась лишиться собственности в результате революционных потрясений. Кроме того, в этих слоях особым успехом пользовались националистические и шовинистические лозунги. После первой мировой войны Италия, походящему в то время выражению, чувствовала себя «побежденной среди победителей», обделенной союзниками при дележке добычи. Фашистская пропаганда беззастенчиво спекулировала на национальных чувствах итальянцев, выдавая себя за наиболее решительных и последовательных защитников интересов всей страны.

Наконец, определенную роль в успехах фашизма сыграли личные качества диктатора. «Муссолини был человеком толпы, который обладал чутьем масс, политической интуицией, организационной сноровкой, живым практическим умом, сильным пером, яркой речью, — пишет советский исследователь Б. Р. Лопухов.— Это был «великий артист действия», подстрекаемый личным самолюбием, одаренный неутомимой волей и необычайной умственной возбудимостью»⁴. Все эти качества, которыми обладал Муссолини в начале своей политической карьеры, соединенные с умением скрывать свои истинные чувства, цели и намерения, создавали ему популярность у определенной части населения.

После принятия «чрезвычайных законов» в Италии были подавлены всякие признаки легальной оппозиции, а активные антифашисты брошены в тюрьмы или сосланы на принудительное поселение. Особенно жестоко фашисты постарались расправиться с коммунистами: руководители партии во главе с Грамши были приговорены к максимальным срокам тюремного заключения. Итальянскому фашизму понадобилось еще несколько лет для окончательного искоренения оппозиции и достижения внутренней стабилизации. Этот процесс закончился в 1929 г. и ознаменовался подписанием Латеранских соглашений между Италией и Ватиканом, которые обеспечивали Муссолини признание и поддержку католической церкви. Заключение пакта с Ватиканом было последним крупным внешнеполитическим успехом, достигнутым итальянским фашизмом мирным путем. В начале 30-х годов итальянские империалисты начали подготовку к осуществлению своей экспансионистской программы с помощью силы. Первым и наиболее благополучным для итальянского фашизма военным походом была агрессия против Эфиопии в 1935—1936 гг.

ФАШИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Захват Эфиопии и основание империи знаменовали собой высшую точку успехов итальянского фашизма на внешнеполитическом фронте. 5 мая 1936 г. главные площади итальянских городов заполнили толпы людей. Их собрали для того, чтобы прослушать речь Муссолини с балкона палаццо Венеция в Риме, которая транслировалась по радио. Дуче торжественно возвестил о взятии итальянскими войсками Аддис-Абебы и экон-

⁴ Б. Р. Л о п у х о в. Указ. соч., стр. 108—109.

чании войны в Эфиопии. Через день король Виктор Эммануил удостоил Муссолини высшей военной награды — Большого ордена Савойи за то, что он в качестве военного министра «подготовил и выиграл самую крупную колониальную войну, которую знает история»⁵.

9 мая состоялось заседание высшего органа фашистского режима — Большого фашистского совета. После его окончания Муссолини вышел на балкон дворца и зачитал декрет, согласно которому Италия объявлялась империей, а к титулу итальянского короля добавлялся титул императора Эфиопии. Выступление дуче закончил театральным обращением: «Подымите ввысь, о легионеры, ваше оружие и ваши знамена, чтобы приветствовать через 15 веков восстановление Империи на отмеченных судьбою холмах Рима!». Итальянский фашизм пышно праздновал одержанную победу. В упоении от успехов ни король, ни Муссолини не замечали абсурдности своих утверждений и исторических аналогий.

Некоторые итальянские историки склонны считать захват Эфиопии рубежом, достигнув которого фашистский режим очутился на развилке дорог, одна из которых вела к миру, а другая — к войне. В действительности кратковременный период «мирных» настроений итальянского фашизма вслед за захватом Эфиопии объяснялся чисто тактическими соображениями — необходимостью освоить захваченную африканскую территорию, привести в порядок финансы и экономику, расстроенные военными действиями.

Столбовая дорога итальянского фашизма по-прежнему вела к новым авантюрам, и удачная колониальная война лишь придавала силы экспансионистским настроениям. Муссолини говорил об этом так: «Сейчас, когда мы добились империи, надо стать империалистами. Итальянцы должны рассматривать империю как достояние, которое следует не только отстаивать и усиливать, но и расширять. Надо всегда быть готовым духовно и материально к тому, чтобы использовать все возможности для ее увеличения»⁶. После эфиопской кампании фашистская Италия стремительно двинулась по пути военных авантур, которые сделали ее участницей второй мировой войны и привели к закономерному краху.

После 1936 г. особенно широко развернулись фашизация и милитаризация всей жизни в стране, имевшие целью превратить итальянцев в дисциплинированную воинственную нацию, готовую выступить по первому приказу дуче. Во внешней политике эти годы характеризовались все более тесным сближением и союзом с фашистской Германией, громко заявлявшей о своем намерении силой перекроить карту Европы.

В июне 1936 г., вскоре после окончания войны в Эфиопии, в специальном постановлении руководства фашистской партии говорилось о том, что «возросшая историческая ответственность фашизма» требует строгого соблюдения всей страной «фашистского стиля». Выступая на ту же тему, Муссолини требовал «поднять всю жизнь нации на имперский уровень»⁷. Эти напыщенные формулировки скрывали за собой новое усилие идеологической пропаганды итальянского фашизма. Цель ее — подвести идеологическую базу под политику территориальных захватов и притязаний Италии на Средиземном море.

Однако в начале 30-х годов, когда итальянский фашизм еще не имел четкого плана территориальной экспансии, Муссолини неоднократно подчеркивал, что империализм совершенно не обязательно подразумевает расширение колониальной империи. В «Доктрине фашизма», появившейся в 1932 г., он писал, что «можно представить себе империю, т. е. нацию, которая непосредственно или косвенно руководит другими нациями, не нуждаясь в захвате хотя бы одного квадратного километра чужой территории»⁸. В том же году, беседуя с немецким публицистом Э. Людвигом, Муссолини заявлял, что империя не является необходимостью и даже опасна. «Чем больше империя расширяется,— говорил он,— тем больше она теряет свою органическую силу. Но тенденция к империализму — это элемент силы человеческой природы... до тех пор пока человек живет, он империалист»⁹.

⁵ L. Salvatorelli, G. Mira. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1962, p. 849.

⁶ G. Giudice. Mussolini. Torino, 1969, p. 541.

⁷ L. Salvatorelli, G. Mira. Op. cit., p. 849.

⁸ «Opera omnia di B. Mussolini». vol. XXXIV. Firenze, 1961, p. 131.

⁹ E. Ludwig. Colloqui con Mussolini. Milano, [s. d.], p. 61.

После захвата Эфиопии из лексикона дуче исчезли фразы об «опасности» создания империи. Появился настойчивый лейтмотив «маре нострум». «Если для других,— говорили Муссолини в Милане в ноябре 1936 г., — Средиземное море является дорогой, то для нас это сама жизнь ... Если кто-то действительно думает задушить жизнь Итальянского Народа в море, которое было Римским морем, пусть хорошо знает, что Итальянский Народ встанет, как один человек, готовый сражаться с решимостью, которой трудно найти пример в истории»¹⁰.

То, что не договаривал Муссолини, делали за него многочисленные фашистские пропагандисты. Так, один из самых рьяных, П. Орано, писал: «Никакой комментарий к статьям Муссолини не может быть красноречивее свершившихся фактов. Были правы те, кто 18 лет назад утверждал, что «поход на Рим» должен иметь естественным продолжением «поход из Рима». Фашизм нес в себе дыхание колониальной экспансии. Вот почему при первых известиях о движении вперед, от старых границ Эритреи и Сомали, итальянский народ облегченно вздохнул. Каждое слово дуче соответствовало вековым чаяниям миллионов. Итальянское оружие, закаленное в пламени фашистской веры, наконец было пущено в ход»¹¹.

Идеологи фашизма не ставили перед собой задачу создать цельную концепцию колониализма: речь шла о возрождении старых националистических лозунгов и мифов в более широких масштабах. Первое место среди них занимал миф о воссоздании «священной римской империи». Это была любимая параллель Муссолини. Фашистская пропаганда спекулировала также на идеях деятелей Рисорджименто о цивилизаторской миссии Италии в Африке. Однако блеск и величие древнего Рима гораздо более импонировали замыслам Муссолини и его приближенных. Упомянувшийся выше Орано писал: «Триумфальные победы Муссолини показывают, что итальянцы являются истинными колонизаторами в полном смысле этого слова: теми, кто по своим методам и целям имеет более чем кто-либо другой право на колонизацию ... Италия Муссолини подобна Риму времен Цезарей и может быть его преемницей в Европе и во всем мире»¹².

Другое направление идеологической кампании касалось роли фашизма в современном мире. Здесь итальянские фашисты, не ограничиваясь рамками Средиземноморья, начинали мыслить глобальными масштабами. Если в начале 30-х годов Муссолини говорил о том, что «фашизм — это не товар для экспорта», то теперь в его высказываниях все чаще стала звучать мысль об «исторической неизбежности» распространения фашизма на весь мир. Так, в газете «Popolo d'Italia» в октябре 1937 г. он писал, упоминая о себе в третьем лице: «Многие государства в Европе идут по пути фашизма ... Дело идет к такой организации нации, которую Муссолини много лет назад определил как «организованный централизм», «авторитарную демократию на национальной базе». Каждая нация будет иметь «свой» фашизм, т. е. фашизм, приспособленный к особым условиям определенной нации. Не будет фашизма, который можно экспортировать в готовой форме, но будет комплекс учений, методов и особенно достижений, которые постепенно охватят все государства Европы и явятся новым фактом в истории цивилизации»¹³.

Поначалу это был план относительно мирной экспансии фашизма в Европе. Направляя в то время свою энергию на Средиземное море, итальянский фашизм придерживался внешне мирной стратегии на континенте. Однако постепенно требование «универсализации» фашизма в выступлениях Муссолини начало звучать все более настойчиво.

Его примеру следовали идеологи итальянского фашизма и их признанный глава философ Дж. Джентиле. Выступая осенью 1936 г. по случаю 15-летнего юбилея Института фашистской культуры, он рассматривал отношения фашизма с внешним миром: «Демократия? — Как указал нам Муссолини, — с этой ложью давно пора покончить»; «Европа? — Вся Европа нуждается в лечении». Главной проблемой становится «большевизм», в прямую схватку с которым фашистские державы вступили в Испании. «Большевизм, — продолжал Джентиле, — это значит отрицание семьи и следовательно —

¹⁰ F. G a t a l a n o. L'Italia dalla dittatura alla democrazia. Milano, 1962, p. 232.

¹¹ P. O r a n o. Mussolini, fondatore dell'Impero Fascista. Roma, 1940, p. 33.

¹² P. O r a n o. Op. cit., p. 34.

¹³ E. S p i n e l l i. Sintesi di Mussolini. Rocca San Casciano, 1950, p. 355.

индивидуализм; это значит отрицание религии ... и следовательно — изоляция личности, оставленной на произвол судьбы и обреченной на самое безысходное отчаяние... Фашизм есть и должен быть знаменем борьбы против мрачных замыслов азиатского варварства»¹⁴.

Дж. Джентиле не слишком утруждал себя поисками аргументов. Однако он довольно точно определил схему для обоснования «исторической миссии» итальянского фашизма в мире. Фашизм призван оздоровить большую Европу, «испорченную» демократией, и повести ее на борьбу с «азиатским большевизмом» — это была та идеологическая установка, которой следовала вся официальная пропаганда.

Главный редактор журнала «Politica» Ф. Коппола писал, что основным врагом Италии является «большевизм». Однако большевизму противостоит «итальянский фашизм, который полностью соответствует характеру итальянского народа, единственного народа, который мыслит и чувствует национальное, как универсальное и универсальное, как национальное». Отсюда необходимость для Запада возвратиться к идеям и идеалам древнего Рима, носителями которых объявлялся фашизм: «прежде всего к порядку, к истинному боевому духу, к иерархии не только наций и людей, но и идей». И как вывод: фашизм представляет собой «великую идею сохранения и возрождения западной цивилизации»¹⁵. В рассуждениях Копполы, у которого идеи национализма и требования внешнеполитической конъюнктуры переплетались самым причудливым образом, вновь повторялся мотив мировой экспансии фашизма.

Таковы были некоторые черты той идеологии, на основе которой итальянский фашизм намеревался милитаризовать итальянский народ, организовать его и вдохнуть в него «фашистский энтузиазм». Эти два элемента — организацию и слепую веру — Муссолини считал главными рычагами, при помощи которых следует управлять массами. «Масса для меня не что иное как стадо овец, пока она не организована, — говорил он в интервью Э. Людвигу. — Я вовсе не против нее. Я только отрицаю, что масса может собой управлять. Массы не должны знать, а должны верить, ибо только вера сдвигает горы ... Разум может быть оружием, а не движущей силой масс»¹⁶.

Важнейшую роль в формировании слепой веры должен был играть миф о человеке, «ниспосланном Италии провидением». Восхваление Муссолини в предвоенные годы достигло своего апогея. Далеко в прошлое ушли те времена, когда он был только главой правительства, игравшим в «демократию». И хотя официально Муссолини продолжал возглавлять совет министров и руководил несколькими министерствами, для массы граждан он должен был представляться чем-то неизмеримо большим. Сам титул дуче (dux — военный вождь), заимствованный из истории римской империи, говорил о той роли, которую предназначал себе Муссолини в будущем. Муссолини любил выступать с балкона дворца на площади Венеции в Риме. Он появлялся перед толпой в пышной военной форме, выпитив грудь и задрав подбородок, что должно было служить признаком «железной воли и негибкого характера». Повсюду его сопровождала свита из «мушкетеров дуче» в черной форме; охранники Муссолини располагались вокруг своего патрона, сжимая в руках кинжалы. Газетам было запрещено упоминать о возрасте диктатора, поскольку он должен был служить символом «неувядаемой молодости фашистского режима». Наоборот, в прессе постоянно подчеркивалась невероятная энергия дуче. Так, в одном из указаний министерства культуры органам печати говорилось: «В сообщении о том, что дуче участвовал в полевых работах, подчеркнуть, что он четыре часа работал на жатке и совсем не устал».

Особенно часто упоминалось о том, что в разъездах по стране Муссолини лично пилотировал свой самолет. Стремительность полета самолета также должна была служить символом динамизма фашистского режима, и Муссолини присвоил себе звание «первого пилота Италии». Цитаты из высказываний дуче стали обязательной принадлежностью всех писаний фашистских пропагандистов. Лозунги вроде «Муссолини всегда прав» настойчиво повторялись газетами. Как говорилось в инструкции министерства культуры, «итальянцы должны были хорошо помнить, что все, что делается в настоя-

¹⁴ E. Santarelli. Storia del movimento e del regime fascista, vol. II. Roma, 1967, P. 231.

¹⁵ E. Santarelli. Op. cit., p. 235—236.

¹⁶ E. Ludwig. Op. cit., p. 120.

щее время в Италии, происходит от дуче и несет на себе отпечаток его личности»¹⁷. Вера в непогрешимость и всемогущество дуче должна была подкрепляться соответствующими организационными и воспитательными мерами. Главная роль в «привитии нации дисциплины» отводилась фашистской партии. А. Стараче, который был секретарем партии с начала 30-х годов, вошел в историю как один из наиболее ревностных сторонников превращения итальянцев в безропотных исполнителей воли Муссолини. Его личное положение, так же как юридический статус партийных организаций были закреплены законом, принятым в январе 1937 г.: в соответствии с ним, секретарь фашистской партии наделялся полномочиями министра.

Стараче добивался того, чтобы в фашистскую партию и контролируемые ею организации вступило максимальное число итальянцев. Были изданы специальные постановления, которые обязывали государственных служащих становиться членами фашистской партии, подобные же административные меры принимались и по отношению к другим категориям населения. В результате резко увеличилось число фашистской партии. В октябре 1937 г. в ней насчитывалось более 2 млн. членов, а вместе с подчиненными ей организациями (не считая профсоюзных) она контролировала более 10 млн. итальянцев¹⁸. Чтобы привить итальянцам «фашистский стиль жизни» — «быстроту, решительность и динамизм», властями проводились различные мероприятия, среди которых особое место занимали «фашистские субботы». В соответствии со специальным постановлением совета министров все итальянцы должны были посвящать этот день военной, политической и спортивной подготовке. Газеты печатали фотографии Муссолини и его приближенных, которые совершали заплывы в море или соревновались в барьерном беге. По замыслу организаторов этих пропагандистских зрелищ, это должно было вдохновлять итальянцев, побуждая следовать примеру руководителей.

Военная и физическая подготовка нации стали излюбленными темами фашистской пропаганды. Один из специалистов того времени по вопросам воспитания, Р. Маццетти, «глубокомысленно» писал: «Для человека фашистской эры спорт не развлечение, а насущная необходимость... Спорт — важное связующее звено нации с армией, с казарменной жизнью»¹⁹.

Особое внимание обращалось на подрастающее поколение, из которого должен был формироваться «человек эпохи Муссолини». «Когда Вождь сказал, что жизнь нации должна быть поднята на имперский уровень, — писал по этому поводу Маццетти, — то лучшие люди сразу же подумали о школе, так как она в высшей степени способствует духовному формированию людей и внедряет в сознание высокие мысли интеллектуальной аристократии. Эта новая задача, поставленная перед школой, нелегка и очень важна».

«Лучшие люди», о которых писал Маццетти, — это его непосредственный начальник, министр национального образования и одновременно консул фашистской милиции Д. Боттаи; «новые задачи школы» — это циркуляр Боттаи, изданный в 1936 г. «Фашистская школа, — говорилось в нем, — это прежде всего школа жизни как таковой и фашистской жизни... Наша школа должна быть инкубатором имперской державы. Молодые люди должны быть морально и интеллектуально готовыми свободно перемещаться по артериям нашей империи до африканских берегов»²⁰.

Для подготовки молодых людей, готовых следовать имперским планам, особое значение приобретал основной принцип Муссолини о приоритете веры над знаниями. П. Орано в статье «Дух и методы культуры в имперской политике», обрушиваясь на «везнаиство» и «излишнюю эрудицию», скрывавшую волю к действию, приводил в пример гитлеровскую Германию, где число студентов сокращалось. «Италии нужна не школа как самоцель, а школа, повинующаяся Нации — Государству», — заключал Орано²¹.

Фашистские власти считали, что для идеального солдата будущей войны, решительного, убежденного, способного действовать, а не рассуждать, недостаточно усилий одних только школьных педагогов. Существовавшие до этого массовые молодеж-

¹⁷ L. Salvatorelli, G. Mira. Op. cit., p. 834.

¹⁸ E. Santarelli. Op. cit., p. 299.

¹⁹ R. Mazzetti. Scuola e nazione sul piano dell'Impero. Bologna, 1938, p. 196.

²⁰ R. Mazzetti. Op. cit., p. 193.

²¹ P. Orano. Op. cit., p. 159.

ные и детские организации, носившие названия «Детей волчицы», «Балилла» *, «Авангардисты», «Молодые фашисты», в 1937 г. были объединены в единую организацию — ДЖИЛ — Итальянскую ликторскую молодежь, главнокомандующим которой был назначен Стараче. Это была организация военного типа, задачей которой было обучать молодежь «жизни в фашистском коллективе» и давать ей военную подготовку. Лозунг ДЖИЛ, так же как и фашистской партии, гласил: «верить, повиноваться, сражаться». В шесть лет маленькие итальянцы давали клятву служить фашизму, «не жалея собственной крови», и становились «Сыновьями волчицы», с восьми до одиннадцати они принадлежали к организации «Балилла», с одиннадцати до пятнадцати они были «Балилла-мускетерами» и ходили с деревянными карабинами. «Сейчас наша школа. — писал Орано, — это одновременно гимнастика мускулов и ума, она насыщена духом дисциплины и военной подготовки, и нет подростка, мальчика или девочки, который жил бы вне влияния партии и армии!»²²

Школа и ДЖИЛ формировали молодое поколение. Забота о душах взрослого населения была возложена на министерство народной культуры, созданное в 1937 г. Возглавляли этот важный идеологический орган фашистского государства сначала Д. Альфьери, а затем А. Паволини. Перед новым министерством ставились широкие задачи. Речь шла не только о контроле над печатью и пропагандистской деятельностью, преследовалась цель добиться подчинения фашизму всей культурной жизни страны. Характерным порождением института фашистской культуры была «Школа фашистской мистики». Школа ставила задачей распространять среди молодых людей мистическую веру в фашизм, превращать их в фанатиков, «готовых отдавать все, не требуя взамен ничего». Одной из основных форм работы среди молодежи было чтение вслух и комментирование речей Муссолини. Само создание «школы мистики» характеризовало атмосферу, которую стремился создать в стране фашистский режим.

Особое внимание министерство народной культуры уделяло органам печати. Для того чтобы обеспечить необходимую направленность информации, оно регулярно рассылало всем газетам подробные указания относительно содержания каждого номера. Характер этих указаний иллюстрирует подборка, которую приводят в своей книге Сальваторелли и Мира. Вот некоторые из них: «Не публиковать фотографии Примо Карнера [итальянского чемпиона по боксу], сбитого в нокауте»; «По поводу смерти Максима Горького никаких статей, комментариев или биографических сведений; сообщение опубликовать в конце номера»; «Ничего не писать об Эйнштейне»; «Речь дуче, произнесенную в Форли, следует дать с заголовком на восемь строк: «Мы пойдем напролом в вопросах расы». Не приводить в заголовке второй фразы: «Мы никого в этом не копируем»; «Посвятить только несколько строк высадке русских на Северном полюсе»; «Говоря о Муссолини, называть его не главой, а дуче».

В области культуры и образа жизни мероприятия фашизма носили название «культурной мелиорации»; с особой силой она развернулась в 1938 г. Эта кампания развивалась по многим направлениям, важнейшими из которых были борьба против «иностранного» влияния и «буржуазных привычек». Один из активнейших апологетов всех мероприятий фашистского режима — ДеСтефани писал в то время: «Многое еще можно сделать в области нематериального импорта: образа мышления и жизни, чуждых привычек, которые мы усваиваем ... Фашистский режим должен контролировать не только импорт товаров, но и импорт идей и образа жизни»²³.

Борьба с «иностранными привычками» зачастую принимала смехотворные формы: так, пропаганда велась против обычая пить чай, и находились писаки, которые всерьез доказывали, что эта привычка «ослабляет нацию». Более серьезные мероприятия проводились в области литературы. В 1939 г. была создана специальная комиссия, которая составляла списки запрещенных писателей. В них попали Гоголь, Тургенев, Толстой, поскольку их имена были связаны с «большевистской Россией». По менее понятным причинам оказались негодными произведения Овидия, Теренция, Рабле, По и многих других авторов²⁴.

* По фамилии итальянского мальчика, который, по преданию, первый бросил камень в австрийских оккупантов во время народного восстания 1746 г. в Генуе.

²² P. O r a n o. Op. cit., p. 168.

²³ A. D e S t e f a n i. Travaglio economico. Bologna, 1938, p. 202—203.

²⁴ G. B o s s a. Storia d'Italia nella guerra fascista. Bari, 1960, p. 80.

Итальянцам надолго запомнилась яростная и нелепая кампания, которая началась в 1938 г. против употребления личного местоимения третьего лица в качестве вежливой формы обращения, принятой в итальянском языке *. Идея этой кампании исходила непосредственно от Муссолини, и поэтому в печати незамедлительно появились статьи, в которых доказывалось, что эта «женственная» форма обращения чужда «мужественному» стилю фашистского режима. Предписывалось ограничиваться обращением на «ты» для равных по положению (как указывалось, подобное обращение более соответствовало «римскому характеру») и на «вы» для старших в звании в качестве выражения «иерархического принципа». Хотя никаких законодательных решений по этому поводу принято не было, руководители различных учреждений поторопились внедрить «новый» стиль среди своих подчиненных. Отступление от него считалось признаком антифашистских настроений.

После начала сближения Италии с Германией в стране стали появляться нововведения, которые являлись непосредственным заимствованием методов Гитлера. Так, увидев на военных парадах в Германии «пруссский шаг», Муссолини предписал ввести его в Италии под названием «римского шага». Захлебываясь от восторга, фашистские газеты описывали эту новую манеру маршировать как «неотвратимый шаг легионов, для которых каждый поход — завоевание». В печати была опубликована фотография Муссолини, который демонстрировал, каким именно должен был быть этот «римский шаг», в речах он подчеркивал, что это нововведение имеет «исключительную важность», и говорил, что оно «вызвало огромный отклик во всем мире». «Последуют новые мероприятия, — предвещал Муссолини, — будет преодолен скептицизм отечественных и зарубежных дегенератов, которые хотели бы видеть Италию легкомысленной, развлекающейся, беспорядочной, мандолиной, а не дисциплинированной, собранной, молчаливой и могучей Италией фашистской эры»²⁵.

В действительности же гораздо более широкий отклик и далеко идущие последствия вызвало заимствование у гитлеровцев расистской идеологии и антисемитского законодательства. Еще весной 1938 г. специальное коммюнике органа итальянского министерства иностранных дел утверждало, что правительство «никогда не думало и не думает принимать политических, экономических или моральных мер против евреев». Однако сближение с Германией побудило Муссолини круто изменить курс. В июле того же года был опубликован манифест, подготовленный группой «фашистских ученых» и официально определявший отношение итальянского фашизма к проблемам расы. Важнейшие положения этого манифеста, состоявшего из десяти пунктов, гласили, что итальянцы «в своем большинстве» относятся к арийской расе, что ее следует всячески оберегать от евреев и других элементов²⁶.

В сентябре Муссолини, выступая в Триесте, поставил расовый вопрос в центр внимания итальянского фашизма: «Во внутренней политике наиболее злободневной проблемой является проблема расы ... Те, кто хочет заставить думать, что мы кого-то имитируем или, хуже того, действуем по наущению, являются попросту дегенератами, и мы не знаем, следует ли их презирать или жалеть»²⁷.

Вскоре последовали первые антисемитские законы: людям еврейской национальности запрещалось преподавать в школах, а члены академий, институтов, различных научных и культурных организаций лишались своих постов. В ноябре совет министров Италии, по представлению Большого фашистского совета, одобрил новую серию законов, которые по сути дела исключали евреев из национальной жизни: им запрещалось служить в государственных и полугосударственных учреждениях, евреи не подлежали призыву на военную службу, и их права на недвижимую собственность существенно ограничивались. Для детей евреев в школах организовывались отдельные классы, а браки между итальянцами и всеми «неарийцами» запрещались²⁸.

Гонения против евреев в Италии до войны не приняли характера физической расправы, как это было в гитлеровской Германии, они не носили столь же тотального

* Так, если раньше, например, писали: «Сообщаем Ей» и подразумевалось — Вашей милости, то теперь нужно было сказать: «Сообщаем Вам».

²⁵ «Scritti e discorsi di B. Mussolini», vol. XII. Milano, 1939, p. 25.

²⁶ E. Santarelli. Op. cit., p. 326.

²⁷ «Scritti e discorsi...», p. 47.

²⁸ G. Bossa. Op. cit., p. 19.

характера, как у нацистов. По официальной статистике дискриминации подверглось около 3,5 тыс. еврейских семей, проживавших в Италии. Однако антисемитские законы вызвали волну эмиграции — среди покинувших страну в этот период был один из основателей атомной физики — Энрико Ферми. Естественным следствием гонений были также рост вражды к фашизму лиц еврейской национальности и включение в активный антифашизм многих из них, особенно из среды университетской молодежи.

Если в национальной политике итальянский фашизм стремился убедить итальянцев в том, что они принадлежат к арийской расе, и внушить им чувство превосходства над другими национальностями, то в плане социальном предвоенные годы характеризовались нарастанием «антибуржуазной» демагогии. В своих выступлениях Муссолини все чаще упрекал «буржуазию» в непонимании национальных задач. В октябре 1938 г. в национальном совете фашистской партии он сообщил, что наконец обнаружил врага фашистского режима и этот враг называется буржуазией. «Буржуазия, — уточнял он, — это прежде всего моральная категория, это особое настроение, своего рода темперамент, это образ мышления, прямо противоположный фашизму. Излишек рационализма, враждебного первородным, неизменным и глубоким формам человеческого бытия, — таковы основные соматические черты буржуазии». Муссолини напомнил, что «буржуазия уже получила мощные пинки в живот: первым из них был «римский шаг», другим пинком была отмена обращения в третьем лице. Следующим колоссальным пинком будет расовый вопрос»²⁹.

Само перечисление «антибуржуазных» мер показывает, что не могло быть и разговора о каком-либо повороте в социальной политике фашизма. Речь шла не об определенном социальном классе или категории, а все о тех же ненавистных привычках и обычаях, мешавших Муссолини превратить итальянца в «аскетического, сурового и молчаливого бойца». По инициативе секретаря фашистской партии Стараче осенью 1938 г. была организована «антибуржуазная» выставка карикатур. Художникам предлагалось высмеять такие «буржуазные пережитки», как рукопожатие, цилиндр и вечерний туалет, настольные игры, привычку пить чай в пять часов, «преклонение перед евреем» и т. д.

Путем усиленной идеологической обработки и принудительной организации фашистскому режиму удалось подчинить своему влиянию некоторую часть населения, в первую очередь мелкую буржуазию. Широкое разветвление в стране получил полицейский репрессивный аппарат. Перед второй мировой войной в Италии существовало до 20 видов полицейских организаций. Наряду с обычными полицейскими органами, министр внутренних дел Буффарини-Гунди завел собственную сеть осведомителей. Секретарь фашистской партии Стараче создал «специальный отдел» фашистской милиции, который конкурировал с органами министерства внутренних дел. Наибольший след в памяти итальянцев оставила специальная политическая полиция, детище фашистского режима, подчиняющаяся непосредственно Муссолини. «Мы должны преобразовать специальную инспекцию полиции в таинственную, могущественную и всеохватывающую организацию, — инструктировал Муссолини начальника полиции А. Боккини в 1930 г. — Все итальянцы должны будут ежеминутно чувствовать, что они находятся под контролем, что за ними наблюдает и их изучает глаз, который никто не сможет обнаружить. Каждый итальянец будет находиться как бы перед жерлом орудия, перед двумя руками, готовыми схватить его в каждый момент. Новая организация будет обладать неограниченной властью и возможностями. Она должна охватить всю страну как чудовищный дракон, как гигантский спрут. Именно так, как гигантский спрут»³⁰. Так появилась на свет тайная полиция фашистского режима, названная четырьмя таинственными буквами — ОВРА³¹.

²⁹ G. Bianchi. 25 luglio-crollo di un regime. Milano, 1963 p. 64—65.

³⁰ F. Martinelli. OVRA, Milano, 1967, p. 7.

³¹ Обычно расшифровывают эти буквы как сокращенное название «Организация по наблюдению и подавлению антифашизма». Однако Боккини в своих мемуарах утверждает, что эти четыре буквы являются окончанием слова «спрут» (по-итальянски — пьовра). По его словам, Муссолини хотел, чтобы название организации и ее функции были покрыты налетом тайны. «Я достаточно знаю итальянцев, — говорил Муссолини, — и убежден в том, что чем больше будет таинственности, тем больше итальянцы будут бояться... А чем больше они будут бояться, тем тише они будут себя вести».

Первоначально ОВРА занималась почти исключительно борьбой против антифашистов. Она выслеживала противников режима в стране, предавая их суду или расправляясь с итальянскими патриотами без суда и следствия, засылала своих агентов и провокаторов в эмигрантские антифашистские организации. Постепенно по заданию Муссолини была установлена тщательная слежка за всеми видными руководителями фашистского режима, включая ближайших сотрудников дуче. Особое внимание в предвоенные годы обращалось на общественное мнение. Как писал Г. Лето, который в качестве заместителя Боккини непосредственно руководил деятельностью ОВРА, «синтезом всей этой информации были еженедельные отчеты, которые регулярно представлялись дуче. Он действительно знал все, и благодаря степени совершенства, достигнутого полицией, ничто важное не ускользало от его внимания»³².

Списки осведомителей ОВРА, опубликованные после войны, показали, что итальянское общество действительно было охвачено разветвленной системой слежки. Это давало возможность фашистской полиции не только контролировать настроения общественного мнения, но и выявлять малейшие признаки оппозиционных настроений. Полиция узнавала не только о возникавших в различных городах антифашистских группах, но и о неосторожных высказываниях отдельных лиц.

ОВРА передавала дела арестованных ею людей в особый трибунал, учрежденный фашистами в 1926 г. в качестве «чрезвычайного органа», который сохранился до конца диктатуры Муссолини. Рассмотрение дел в этом трибунале, как правило, заканчивалось самыми суровыми приговорами, предусмотренными фашистским законодательством. «Процессы были пустой формальностью и проводились наспех,— вспоминает старый член Итальянской компартии А. Чикалини.— Зал суда заполняли чины фашистской милиции и полицейские. Присутствовали также постоянно аккредитованные журналисты ... Адвокаты назначались всегда одни и те же; в своих коротких и глупых защитительных речах они копировали обвинительную речь прокурора»³³. Если же полиция не располагала достаточными данными для предания арестованных суду, то она отправляла их в ссылку на острова Устику, Понцу, Вентотене, Лампедузу. Часто туда же попадали лица, оправданные особым трибуналом за полным отсутствием улик, однако оставшиеся на подозрении у полиции.

КОРПОРАЦИИ, АВТАРКИЯ И ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ РАЗЛОЖЕНИЯ

Полицейские органы, организации фашистской партии, школа и другие учреждения играли свою роль в привитии «дисциплины» итальянской нации. Однако наиболее широкие задачи в области усиления фашистского государства должна была выполнять «корпоративная система», охватывавшая социальную и экономическую жизнь страны. Главные принципы этой системы были изложены еще в 1927 г. в так называемой «Хартии труда», принятой большим фашистским советом³⁴. Но реализация провозглашенных в ней лозунгов шла крайне медленно. Имелось министерство корпораций, в 1930 г. специальный закон расширил полномочия прозябавшего в бездействии национального совета корпораций, но самих корпораций не существовало. Лишь в 1934 г. они стали создаваться и формально охватили почти все активное население страны. Речь шла о том, чтобы преобразовать существовавшие профессиональные союзы в отраслевые корпорации, которые объединили бы «на паритетных началах» предпринимателей и лиц наемного труда. Были созданы 22 корпорации, соответствовавшие различным отраслям народного хозяйства: промышленности, сельского хозяйства, торговли, банков, транспорта и т. д. Имелись также особые корпорации для лиц свободных профессий и даже для домашних хозяек.

Во главе всей этой громоздкой организации стоял национальный совет корпораций, в который, кроме представителей работодателей и трудящихся, входили делегаты фашистской партии, министры и их заместители, различные эксперты и специалисты; таким образом, как в самих корпорациях, так и в национальном совете непосредствен-

³² G. L e t o. OVRA. Rocca San Casciano, 1952, p. 190.

³³ «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 280.

³⁴ Текст «Хартии труда» см.: «Конституции буржуазных стран», т. I. М.—Л., 1935, стр. 160—165.

ные представители производства оказывались в меньшинстве. Более того, все члены совета назначались правительственным декретом, что превращало его в бюрократический орган без всяких признаков выборной демократии.

Создание корпоративной системы было закончено в 1939 г. реорганизацией высших законодательных органов страны. Еще в 1933 г. Муссолини заявлял, что сохранение палаты депутатов в фашистском государстве является анахронизмом, поскольку этот институт подразумевает множественность политических партий. Вскоре после этого была создана комиссия для разработки реформы государственного управления. Однако лишь в 1938 г. большой фашистский совет одобрил основные положения реформы, которые были окончательно утверждены в январе 1939 г. Законодательная власть вручалась двум органам — национальному совету фашистской партии и национальному совету корпораций, которые вместе составляли новую палату, названную палатой фашизма и корпораций. Фашизм окончательно покончил с той видимостью выборности, которая сохранялась им при формировании высших законодательных органов. Новое устройство отвергало «предрассудок», согласно которому представительство обязательно должно основываться на выборности. Вместо этого утверждался принцип «прямого, органического и последовательного выражения ценностей, сил и интересов фашистского режима: с одной стороны, всего народа, охваченного и дисциплинированного фашистской партией, а с другой — производительных слоев, организованных в синдикально-корпоративную систему»³⁵.

Таким образом, реальное осуществление корпоративной системы было далеко от синдикалистских идей раннего периода фашистского движения и даже от «равноправного сотрудничества производительных сил», которые провозглашала Хартия труда. Сказался процесс бюрократизации и усиления государственного начала в жизни страны, которые переживал итальянский фашизм в 30-е годы. Однако было бы ошибочным рассматривать корпоративное переустройство исключительно как элемент тотального государственления общественной жизни Италии. Не случайно после многих лет проволочек итальянский фашизм приступил к осуществлению корпоративистской политики в тот период, когда мировой экономический кризис наглядно показал органические пороки «классического» капитализма.

С другой стороны, успехи планируемой экономики и гигантский рост промышленности в Советском Союзе в годы первой пятилетки безусловно находили отклик в общественном мнении за рубежом. Все это заставляло правящие группы капиталистических стран выискивать новые методы социально-экономической политики. Итальянский фашизм делал это с присущим ему демагогическим размахом. Корпоративная система была призвана решить две задачи, которые имели важнейшее значение: доказать способность фашизма «обновить» старую схему капиталистических отношений, сделав ее более привлекательной, и в то же время противопоставить эту новую схему социалистической системе, успехи которой в Советском Союзе были очевидны.

Корпорации изображались как надклассовые организации, призванные осуществить «социальную справедливость», уменьшить разрыв в уровне жизни различных социальных слоев. По словам фашистских экономистов, корпоративная система знаменовала собой коренной переворот в производственных отношениях, наступление эры гармонии труда и капитала, преобразование классовых отношений в «постоянное и гармоническое сотрудничество». «В корпоративной системе, — писал Э. Тозарелли в 1940 г. в учебнике политэкономии для итальянских университетов, — классовая борьба, знаменитый «социальный вопрос», который занимал народы и экономистов, сменяется сотрудничеством классов, осуществляемым посредством трудовых коллективных договоров, мирным разрешением классовых конфликтов»³⁶. Другой апологет корпоративной системы, А. Пальяро, шел еще дальше, приписывая корпорациям способность не только преодолеть классовые противоречия, но и ликвидировать классы как таковые: «Фашизм мощной воспитательной работой ликвидировал всякую оппозицию и разделение между различными категориями труда ... Сейчас в Италии понятия «буржуазия», «пролетариат», «мелкая буржуазия» и тому подобные являются словами, которые не содержат ничего другого, кроме исторической реминисценции»³⁷.

³⁵ L. Salvatorelli, G. Mira. Op. cit., p. 957.

³⁶ E. Tosarelli. Sintesi di politica economica corporativa. Roma, 1940, p. 9.

³⁷ A. Pagliaro. Il fascismo contro il comunismo. Firenze, 1938, p. 38.

Однако так называемым «классовым миром», т. е. отсутствием массовых выступлений трудящихся, фашистский режим был обязан в первую очередь полицейскому аппарату, тотальному подавлению всякой оппозиции. Что касается «сотрудничества труда и капитала» внутри корпоративной системы, то здесь дело свелось к подчинению интересов трудящихся интересам частного капитала и использованию представителями монополий корпоративных органов для своих целей. Промышленники имели полную возможность решать в свою пользу вопросы условий труда и экономических отношений между работодателями и трудящимися. Паритетное начало, формально принятое в корпоративных органах, было сплошной фикцией: в то время как промышленники представляли в них реальную силу, от имени трудящихся в них выступали чиновники, назначенные фашистскими властями. (В соответствии с фашистскими синдикалистскими принципами профсоюзные руководители не «выбирались», а «отбирались».)

Однако, по заявлениям фашистской пропаганды, корпоративное устройство должно было знаменовать собой не только «социальную революцию», но и «новый тип руководства экономической жизнью». По словам фашистских экономистов, он заключался якобы в преодолении антитезы между либеральной свободой и социалистической централизацией. «Основной принцип,— писал Э. Тозарелли,— заключается в том, что государство, не занимаясь непосредственно производительной деятельностью, направляет ее и регулирует экономическое развитие нации. Государственная власть приобретает характер государственной диктатуры в противоположность классовой диктатуре, присущей социалистической системе»³⁸.

Итальянский фашизм не только не покушался на принцип частной собственности на средства и орудия производства, но и постоянно подчеркивал его неизбежность. Характерным в корпоративной системе было явное расхождение между фашистскими декларациями и действительностью. В то время как в официальных выступлениях корпорации объявлялись «основой государства», на практике они были лишены возможности как-либо воздействовать на экономическую и социальную жизнь страны, ограничиваясь выработкой различного рода рекомендаций и проектов. Положение было столь неудовлетворительным, что фашисты-корпоративисты часто признавали неэффективность отдельных элементов системы, а иногда и всего корпоративного сооружения в целом. Так, Дж. Пала в журнале «Economia fascista» за 1942 г. писал: «Все согласны с тем, что корпорациям не удалось получить того развития, которое давало бы им право занять достойное место среди основных институтов режима, приобретя реальные и практические функции, которые превратили бы их в руководящий орган национальной экономики, функции, которые фашизм придал им в теории и необходимость которых неоднократно и торжественно подтверждал ... Корпорации живут отрешенной от действительности жизнью, обсуждая какой-либо вопрос только в том случае, если инициативу в этом направлении проявляли иные органы, и не имеют никакой возможности для практической, серьезной и полезной деятельности»³⁹.

Трудно переоценить значение подобных признаний, даже учитывая разочарование, которое охватило некоторых деятелей фашистского режима в 1942 г. Однако после войны бывшие корпоративисты делали еще более знаменательные заявления. Так, один из теоретиков этой системы, Дж. Паломба, писал в 1950 г.: «Совершенно очевидно, что корпоративная экономика существовала только в умах некоторых из нас — теоретиков, которые пытались, исходя из более или менее фантастических постулатов, основать то, что называлось новым строем. В действительности существовала лишь корпоративная политика и изменения касались лишь законодательных норм, ибо «гомо корпоративус» оставался обычным «гомо экономикус», который под воздействием обстановки лишь надел черную рубашку и принял прочие внешние атрибуты фашизма»⁴⁰. Иными словами, это значило, что крупный капитал использовал корпоративную систему только в той степени, которая способствовала его экономическим и социальным интересам. Капиталист, надевший черную рубашку, продолжал заботиться только о собственных доходах, и фашистский режим не думал о том, чтобы как-либо ограничивать его волю. В этом и заключалась главная причина того, что огромный корпоративистский аппарат работал по сути дела вхолостую.

³⁸ E. Tosarelli. Op. cit., p. 10.

³⁹ G. Gualegni. La politica industriale fascista. Milano, 1956, p. 112.

⁴⁰ «Cento anni di vita italiana», vol. II. Roma, 1950—51, p. 271.

Основные процессы итальянской экономической жизни происходили вне сферы корпоративных организаций и были связаны в первую очередь с «битвой за автаркию». Сам термин «автаркическая кампания» получил распространение в середине 30-х годов, однако усилия фашистского правительства для сокращения зависимости Италии от ввоза стратегического сырья стали предприниматься значительно раньше. Они начались еще в 1926 г. «битвой за хлеб». Эта кампания заключалась в том, что различные льготы и субсидии предоставлялись землевладельцам, занимавшимся разведением пшеницы, повышались цены на хлеб и были введены высокие таможенные тарифы на ввоз зерна.

Главное развитие «автаркическая битва» получила в промышленности. Толчком для нее послужила итальянская агрессия против Эфиопии, которая показала слабость военной подготовки Италии. Велся поиск новых решений в области экономической политики. Эти решения, как всегда, исходили от Муссолини. Выступая 23 марта 1936 г. на генеральной ассамблее корпораций, он заявил: «Те, кто думает, что после окончания осады Италия возвратится к положению, существовавшему до 18 ноября (день принятия Лигой наций решения об экономических санкциях против Италии в связи с нападением ее на Эфиопию. — *Г. Ф.*), ошибаются. 18 ноября 1935 г. означает начало новой фазы в истории Италии ... В новой фазе будет доминировать постулат: добиться в самые короткие сроки максимальной экономической независимости нации, особенно в области обороны»⁴¹.

Автаркическая кампания предусматривала три основных направления: 1) создать «автаркический образ мышления»; 2) усовершенствовать экономику, научную и техническую инициативу, направленную на достижение экономической независимости; 3) сократить импорт и увеличить экспорт.

Создание «автаркического образа мышления» оказалось чрезвычайно трудным делом, несмотря на все усилия фашизма. Особенно сложным было «перевоспитание» в духе «национальных задач» хозяев итальянской экономики — крупных промышленников и финансовых заправил. Время от времени на страницах итальянских газет и экономических журналов появлялись гневные обвинения в адрес крупных промышленников. Так, в сентябре 1938 г. в журнале «*Economia nazionale*» сообщалось, что деятельность подобных людей «превращает автаркические проекты, часто требующие больших жертв со стороны нации, в спекулятивные сделки в интересах монополий»⁴². Однако дальше демагогических выступлений в печати дело не шло, а «автаркический образ мышления» так и остался одним из многочисленных мифов фашистского режима. Что касается практических мероприятий в области автаркии, то они должны были включать в себя полное использование всех ресурсов для достижения экономической независимости, в том числе максимальное развитие производства заменителей из национального сырья, а также контроль и ограничение потребления.

Весной 1937 г. Муссолини объявил, что «корпорации мобилизованы для борьбы за автаркию, а национальный совет корпораций должен рассматриваться как генеральный штаб, возглавляющий борьбу»⁴³. С этой целью в системе корпораций в том же году была создана верховная комиссия по автаркии, решения и рекомендации которой передавались непосредственно в государственные органы. В нее вошли представители всех крупнейших монополистических групп финансового и промышленного капитала, именовавшиеся «специалистами по отраслям». Государственный контроль над производством осуществляли сами воротилы финансового и промышленного капитала.

Главной целью экономической политики фашизма была подготовка Италии к войне, однако достигнуть своей цели ему не удалось. Бывший руководитель итальянской военной промышленности Фавагросса сравнивал автаркическую политику с дорогостоящим и чрезвычайно сильным лекарством, которое предложили в неумеренных дозах несостоятельному больному. «У Италии не было достаточно средств, — писал он, — для того чтобы позволить себе подобного рода роскошества, которые не разрешали проблемы, а иногда лишь были выгодны определенным финансовым группам, видным деятелям и их друзьям»⁴⁴. Дело, конечно, не исчерпывалось объективными причинами —

⁴¹ L. Franck. Les étapes de l'économie fasciste italienne. Paris, 1940, p. 30.

⁴² L. Franck. Op. cit., p. 81.

⁴³ С. М. Слободской. Итальянский фашизм и его крах. М., 1946, стр. 96.

⁴⁴ C. Favagrossa. Perché ferdemmo la guerra. Milano-Roma, 1947, p. 99.

бедностью Италии естественными богатствами и слабостью ее финансов. Бюрократические органы фашистского государства не в силах были как-либо повлиять на крупную буржуазию, которая видела в этой кампании лишь средство для получения новых прибылей за счет государства.

Реальным результатом экономической политики фашизма явился рост государственно-монополистического капитализма, что было новым для итальянской экономики. Однако это нисколько не ущемляло позиций частного капитала. Вмешательство государства в экономическую жизнь не приняло характера национализации каких-либо отраслей или создания собственных предприятий, способных конкурировать с монополиями. Государствление итальянской промышленности сопровождалось концентрацией производства и укреплением позиций монополистического капитала.

Председатель итальянского Коммерческого банка Э. Конти писал осенью 1939 г. в своем дневнике: «В наше время, когда каждый день твердят о необходимости приблизиться к народу, создается финансовая олигархия, которая напоминает в области промышленности средневековый феодализм. Большая часть производства контролируется несколькими группами, во главе каждой из которых стоит один человек. Аньелли, Чини, Вольпи, Пирелли, Донегани, Фальк и немногие другие буквально господствуют в различных отраслях производства»⁴⁵.

Эти слова, принадлежащие видному финансовому деятелю фашистского периода, показывают, насколько далеко была действительность от той широковегетальной программы корпоративных и автаркических программ, провозглашавших установление государственного контроля над производством в интересах коллектива.

Один из наиболее крупных представителей монополистической верхушки, Вольпи ди Мизурато, управлял почти 40 акционерными обществами с общим капиталом в 3—4 млрд. лир. Он был в числе руководителей Коммерческого банка и ряда крупных электрических, судоходных и судостроительных компаний, а также машиностроительных и металлургических предприятий. Не удивительно, что Вольпи относился к числу самых горячих поборников экспансии итальянского империализма в Африке и на Балканах.

Сенатор В. Чини, один из совладельцев треста «Ильва», одновременно распоряжался несколькими судовладельческими, страховыми и электрическими компаниями с общим капиталом около 3 млрд. лир. Так же как Вольпи ди Мизурато, Чини был связан самыми тесными отношениями с многими представителями фашистской верхушки, и во время кризиса фашистского режима в 1943 г. Муссолини ввел его в состав своего последнего министерства.

Дж. Аньелли, единоличный владелец заводов «Фиат», руководил рядом акционерных обществ с общим капиталом более 2 млрд. лир и распоряжался банком «Итальянский кредит».

А. Донегани, который долгое время стоял во главе треста «Монтекатини», был председателем многих автаркических обществ, производивших синтетические материалы, нефтепродукты и алюминий. Он был одним из заправил Коммерческого банка и других финансовых объединений.

К крупнейшим итальянским капиталистам относились также председатель треста «Терни» А. Боччардо, владелец предприятий «Фальк» Э. Фальк, хозяин крупнейших судоверфей А. Козулич, бывший глава «Сииа-Вискоза» Д. Борлетти и некоторые другие.

Это были наиболее видные представители монополистических кругов, которые не только владели экономикой страны, но и оказывали решающее влияние на основные направления политики фашистского государства.

В число сенаторов и депутатов входили такие представители монополистической верхушки, как Чини, Вольпи, Пирелли и им подобные. Монополистические круги брали на свое содержание фашистскую верхушку. Уже в начале 30-х годов 112 сенаторов, 175 депутатов и многие члены большого фашистского совета и руководства фашистской партии занимали оплачиваемые посты в крупных акционерных обществах. При этом некоторые из них получали деньги иногда от целого десятка компаний, обеспечи-

⁴⁵ R. R o m e o. Breve storia della grande industria in Italia. Rocca San Casciano, 1963, p. 191—192.

вая защиту их интересов в государственных и партийных органах фашистского режима. «В 1940—1941 гг., — пишут авторы исследования о структуре итальянских монополий, изданного Всеобщей итальянской конфедерацией труда, — эти связи стали еще более многочисленными и глубокими. Можно утверждать, что не было сколько-нибудь значительного акционерного общества или группы обществ, которые не имели бы на своем содержании одного или двух представителей политической власти»⁴⁶.

«Фашистская Италия становится все более фашистской», — так озаглавил в 1940 г. последний раздел своей книги историк Дж. Вольпе⁴⁷. Казалось, внешняя сторона жизни свидетельствовала в пользу этого тезиса: фашистская партия охватывала своими организациями почти все активное население страны; строительство «корпоративного государства» и автаркическая кампания, как об этом писали газеты, шли наилучшим образом⁴⁸. Муссолини громко заявлял, что итальянская армия является чуть ли не самой сильной в мире, и военные действия в Эфиопии, Испании и Албании будто бы подтверждали его хвастливые слова. Союз с непобедимой Германией должен был вселять уверенность в будущем и служить залогом новых успехов фашизма в Европе и во всем мире. Пропаганда настойчиво вдавливалась в головы итальянцев, что фашизм полностью восторжествовал, преобразовав само существование нации. Однако мемуары руководителей итальянской тайной полиции, опубликованные после войны, рисуют картину, весьма далекую от той, которую пыталась изобразить фашистская пропаганда.

В конце 1938 г. итальянская полиция провела обследование общественного мнения. Для всех агентов была разработана специальная инструкция, в которой обращалось особое внимание на необходимость получения «быстрых и своевременных донесений, способность немедленно схватывать и оценивать комментарии и настроения, сведения и факты, разговоры и события». Результаты этой работы были малоутешительны для фашистского режима. «Общественное мнение, — пишет в своих мемуарах начальник политической полиции Лего, — которое часто неосознанно хорошо ощущает приближение великих исторических кризисов, начало выражать определенное беспокойство ... Несомненно, итальянский народ, после того как прошел период подъема, вызванный завоеванием империи, и улетучились надежды на внутренние реформы ... стал все более отходить от фашистской идеологии, начал высмеивать ее высших представителей. Вокруг фашистского режима стала образовываться пустота»⁴⁹.

Демагогические лозунги «обновления», которые обеспечивали поступательное движение итальянского фашизма в 20-х годах, окончательно выродились в риторичку. Отсутствие внутреннего содержания фашизм пытался заменить потоком пустых слов, надеясь, что их непрерывное повторение способно повлиять на ход дел. Искусственное насаждение невежества, проповедь мистического начала, раздувание культа грубой силы вызывали все больший протест в душах итальянцев.

До сих пор в итальянской исторической литературе очень мало сказано о борьбе трудящихся против фашизма в предвоенной Италии. В предвоенные годы сопротивление не выливалось в массовые фронтальные действия, для организации которых у антифашистов не было сил. Скорее это было капиллярное распространение антифашистских идей, которые постепенно все глубже проникали в массовую базу фашизма, подтачивали и размывали ее изнутри. Стремление критически переосмыслить происходящее вокруг охватывало, в первую очередь, молодое поколение. Именно среди той части населения, на которую фашизм пытался оказать наибольшее идеологическое воздействие, дисциплинировать и превратить в свой резерв, стали раздаваться протесты против навязываемых сверху догматов.

«Может быть, ни одно поколение не было так несчастно, как то, которое родилось в годы первой мировой войны, — писал Б. Кроче. — Деятельность фашизма не была и не могла быть истинным интеллектуальным и моральным воспитанием, а была давлением, растлением, коррупцией, в общем, приручением, которое применяет человек по

⁴⁶ «Промышленные монополии Италии». М., 1951, стр. 21—22.

⁴⁷ G. Volpe. Histoire de mouvement fasciste. Rome, 1940.

⁴⁸ Как пишет в своих воспоминаниях главный редактор газеты Муссолини «Popolo d'Italia» Д. Пини, в начале 1940 г. он сообщил дуче: в статье одного из специалистов по автаркии говорится, что Италия на 97% выполнила автаркические планы в области продовольствия. Муссолини приказал вычеркнуть эту цифру, заметив, что итальянцы будут спрашивать, почему же в этом случае в магазинах нет продуктов.

⁴⁹ G. L e t o. Op. cit., p. 181—186.

отношению к животным, стремясь подчинить их своим нуждам ... она не могла дать духовного эффекта, внутреннего убеждения, искренней веры, глубокого энтузиазма, а лишь создавала в душах вакуум»⁵⁰.

Неверно утверждать, что идеологический выбор для молодых итальянцев ограничивался лишь альтернативой фашизм или коммунизм. Сам Кроче делал все возможное, чтобы противопоставить фашизму либеральные идеалы. Говоря о том, что и при фашизме «были писатели, избегавшие лжи», он пишет о самом себе: «Один из них специально для молодежи написал историю Италии либерального века и ряд других работ, чтобы углубить и обновить теорию свободы ... и эти его книги не остались неизвестными молодежи»⁵¹. Действительно, произведения Кроче, которые свободно печатались в Италии, легче было получить, чем нелегальные издания компартии. Тем не менее не только многочисленные группы молодежи всех слоев тянулись к марксизму-ленинизму, но и некоторые из ближайших учеников Кроче отходили от его позиции «морального неприятия» и вставали на путь активной антифашистской борьбы. Вопреки предсказаниям Кроче, именно коммунистические идеалы стали самой серьезной движущей силой молодого поколения антифашистов.

Яркой иллюстрацией к этому служит история группы «молодых коммунистов» Рима, наиболее широкой подпольной молодежной организации в предвоенные годы: многие члены этой группы в последующем стали руководителями коммунистической партии. Она образовалась в 1936 г. из числа молодых людей, преимущественно студентов, посещавших семьи известных либеральных деятелей дофашистской Италии — Джованни Амендолы, профессоров Д. Ломбардо Радиче и Г. Де Руджеро⁵².

Решающим толчком послужило появление в этом кружке коммунистов старшего поколения М. Росси Дория и Б. Сангвинетти, один из которых вышел из тюрьмы, а другой приехал из Франции, где находился заграничный центр партии. Весной 1937 г. под их влиянием в антифашистской молодежной организации выделилась «группа молодых коммунистов». Участники организации активно занимались сбором средств в пользу республиканской Испании. В октябре 1938 г. они провели подпольную конференцию, на которой присутствовало около 20 делегатов. «Молодые коммунисты» стремились установить связи с коммунистическими группами в других городах и объединиться в своей работе с борьбой рабочего класса. В 1939 г. ОВРА напала на следы организации. Последовали аресты и процесс в особом трибунале. Весной 1940 г. на скамье подсудимых вместе с представителями старшего поколения оказались руководители римских «молодых коммунистов» — все они были приговорены к длительным срокам заключения.

Однако полиции не удалось ликвидировать основную часть организации. Потеря более опытных руководителей не прервала ее деятельности. Под руководством П. Буффалини, П. Инграо, М. Аликата, А. Тромбадори она с еще большей решительностью связала свою борьбу с коммунистическими ячейками, которые существовали на предприятиях Рима и его окрестностей. Хотя в 1940, 1941 и особенно в 1942 гг. организация «молодых коммунистов» понесла новый урон, ее деятельность не прекращалась до падения фашистского режима.

История группы «молодых коммунистов» из Рима была одним из наиболее значительных примеров того, как антифашизм представителей молодого поколения привел их сначала к идеологическому сближению, а затем к организационному слиянию с коммунистической партией. «Некоторые поражаются тому, — писал после войны один из руководителей группы «молодых коммунистов», Л. Ломбардо Радиче, — что после падения фашизма из подполья вышло столь сильное молодежное коммунистическое движение; есть люди, которые до сих пор не могут понять, как случилось, что дети многих выдающихся деятелей либерального антифашизма борются сейчас в рядах коммунистической партии ... Этот окончательный выбор произошел не в результате внезапного мистического обращения, а потому, что эта молодежь на практике увидела в

⁵⁰ В. Сросе. *Scritti varii. Scritti e discorsi politici*, vol. I. Bari, 1963, p. 39—40.

⁵¹ В. Сросе. *Op. cit.*, p. 41—42.

⁵² Данные о группе «молодых коммунистов» взяты из: R. Z a n g r a n d i. *Il lungo viaggio attraverso il fascismo*. Milano, 1964, p. 486—490; A. D e l P o n t, A. L e o n e t t i, P. M a i e l l o, L. Z o c c h i. *Aula IV. Tutti i processi del tribunale speciale fascista*. Roma, 1961, p. 407.

рабочем классе и его авангарде единственно живую, объединенную национальную силу»⁵³.

Приход молодого поколения в ряды коммунистической партии позволял ей продолжать трудную борьбу в условиях подполья. Более того, за годы нелегальной деятельности произошли значительные изменения внутри антифашистского лагеря. В 1926 г. коммунистическая партия была одной из партий меньшинства антифашистского фронта, она значительно уступала социалистам по влиянию на рабочий класс. Накануне войны она объединяла наиболее активные силы антифашизма и была единственной партией, которая сохраняла свою организацию внутри страны. В тяжелые для антифашистского движения годы перед началом второй мировой войны, когда многие деятели других партий сложили оружие и отказались от борьбы, коммунисты продолжали утверждать неизбежность падения фашистского режима и призывать рабочий класс к борьбе. Политический авангард антифашистских сил вносил ощутимый вклад, расширявая диктатуру Муссолини.

А между тем вторая мировая война неотвратимо приближалась.

Итальянский фашизм оказался к ней плохо подготовленным. Корпоративная система и автаркия дезорганизовали ее экономику, запасы стратегического сырья оказались незначительными, вооружение армии — низкого качества, все большее число итальянцев разочаровывалось в фашизме и выражало свое недовольство. Тем не менее Муссолини вел страну к новым военным авантюрам. Разразившаяся вскоре мировая война вскрыла внутреннюю слабость и гнилость итальянского фашизма и привела его к бесславному концу.

(Продолжение следует)

⁵³ Л. Ломбардо Радиче. Наш приход в коммунистическую партию. — «Тридцать лет жизни и борьбы...», стр. 335.

